

УДК 111:130.3

DOI: 10.34670/AR.2026.24.93.016

Трансформация современного «человека желающего»: от господства желаний – к кризису «способности желать»

Сайкина Гузель Кабировна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: gusels@rambler.ru

Фахертдинов Назар Маратович

Аспирант кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: nazarfahertdinov@yandex.ru

Аннотация

Целью исследования является философский анализ онтологических причин кризиса «способности желать» сквозь призму рефлексии изменений темпоральности структур. В современном обществе доминирует антропологический тип — «человек желающий». Показана эвристическая допустимость аналогии кризиса «способности желать» с перипетиями гедонизма, логическим пределом которого являлись скука и самоубийство. Выявлено, что депрессивно-апатичный, нарциссический тип человека, которому присущи неспособность и «нежелание желать», может быть обозначен как предельная форма «человека желающего». Обосновано, что корни таких массовых явлений, как ангедония, апатия и депрессивный нарциссизм, лежат в фундаментальном изменении переживания времени современным человеком. Опираясь на концепцию Б.-Ч. Хана, доказывается, что распад времени на разрозненные атомизированные мгновения, лишенные внутренней связи, приводит к исчезновению необходимой для формирования желания созерцательной паузы и в глобальном смысле к «смерти желания». Современный субъект-Нарцисс, захваченный потоком мгновенных стимулов и лишенный опыта инаковости Другого, утрачивает способность к созерцательной паузе, в которой только и может вызреть подлинное Желание. Ключом к преодолению кризиса «способности желать» является восстановление созерцательного отношения ко времени, открывающего пространство для напряженного отношения с инаковостью будущего.

Для цитирования в научных исследованиях

Сайкина Г.К., Фахертдинов Н.М. Трансформация современного «человека желающего»: от господства желаний – к кризису «способности желать» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 59-67. DOI: 10.34670/AR.2026.24.93.016

Ключевые слова

Желание, «человек желающий», депрессивно-апатичный тип человека, нарциссизм, темпоральность, кризис «способности желать», Другой, методология исследования, антропология, социальная философия.

Введение

В структуре человеческих проявлений феномен желания исторически принижался, прежде всего в силу его отождествления исключительно с чувственной стороной человека, с разрядом низменных, плотских желаний и страстей и ассоциации с гедонизмом. В классической культуре желание просто не могло быть однопорядковым с определяющей сущностной силой человека – разумом. В современном обществе наблюдается изменение статуса и социальной роли феномена желания. Следует отметить, что сегодня гедонизм как жизненная практика перестал носить устрашающий характер и, более того, возведен в ранг социальной нормы. «Наслаждение, - как пишет Ж. Липовецки, - лишается своего вредоносного содержания, его контуры размываются» [Липовецки, 2001, с.174].

Возможно, на этот сдвиг повлиял пересмотр З. Фрейдом отношения к гедонизму, а именно выдвижение им принципа удовольствия в качестве одного из фундаментальных объяснительных поведенческих принципов. Надо сказать, что общественным сознанием не всегда учитывается, что после работы «По ту сторону принципа удовольствия» [Фрейд, 1990] желания Фрейдом перестали напрямую связываться исключительно с принципом удовольствия (и связанного с ним Эроса), так как они по крайней мере испытывают на себе влияние принципа реальности, Танатоса. Действительно, желания и гедонизм – несовпадающие феномены; религиозно-философская мысль не раз доказывала, что ряд наших желаний может вовсе не приносить нам явного наслаждения...

В современных условиях психологический «принцип удовольствия» нашел свое социальное воплощение, легитимизировав «человека желающего» как доминирующий антропологический тип, для которого желания несут роль определяющей детерминанты мышления и поведения. Сегодня желания не только оправданы и узаконены, но и возведены в ранг сущностных сил человека. Желания уже не классифицируются иерархически, каждое самоценно, а потому не бывает низменных желаний. В обществе потребления человек как будто не знает ограничений для наслаждения со стороны «принципа реальности».

Важно отметить, на наш взгляд, что желания – исконно человеческий феномен, отличный от потребностей. Как правило, мы имеем дело здесь с осознаваемой формой внутреннего состояния человека, создающей внутреннее томление, страдательность и мечтательность одновременно. Поэтому в желаниях есть хоть минимум, но рефлексии, хоть минимум, но выбора и свободы. Но желания необходимо позиционировать и более широко – как позитивную силу, запускающую и поддерживающую исконную *онтологическую* тягу «жить», вследствие чего они (в зависимости от их наличия и качества) становятся критерием интенсивности жизни, ее наполненности и в итоге – критерием сбытия человека. Поэтому о феномене желания можно философствовать в онтологическом ключе.

Онтология желания – внутренне противоречива. Желание как способ проявления проективности человека оформляет модус нехватки реальности и одновременно модус ис-полненности, сбытия человека (благодаря исполнению желания).

Особо укажем, что современная ситуация обостряет интерес к рефлексии феномена желания вследствие того, что наряду с господством типа «человека желающего» выкристаллизовывается, казалось бы, противоположный ему тип – тип человека депрессивного и апатичного. «От абсолютизации желания – к “нежеланию желать” апатичного человека» – такова тенденция трансформации пути «человека желающего» в современности. Вопрос о феномене желания обнаруживает прямую связь с проблемой человеческой субъектности. Все это стало отправной точкой нашего исследования, способствующего решению вопроса об онтологии «человека желающего» в современном обществе.

Основная часть

К числу симптомов кризиса современного общества мыслители все чаще относят распространение состояний усталости, выгорания и депрессивности человека, рост ангедонии и кризис «способности желать». Эти состояния понимаются вовсе не психологически, а как выражение объективной господствующей тенденции в обществе, подобно тому, как совсем недавно фиксировались социально-антропологические типы «невротика» и «шизоида».

Возможно, возникновение кризиса «способности желать» можно объяснить по аналогии с логикой примитивно понятого гедонизма. Так, удовольствия требуют постоянного увеличения «градуса удовольствия», функционируют по принципу «дурной бесконечности», однако жизнь не всегда способна обеспечить прогресс в наслаждениях, а потому логическим пределом гедонизма может быть скука и даже самоубийство (вспомним, так называемого «учителя смерти» Гегесия). В похожей логике сегодня выпячивается следующая сторона в функционировании желаний: желания становятся источником апатии и депрессии, для которых характерна... неспособность желать.

Данная логика ярко обнаруживается в обществе потребления и «соблазна», в котором реальность как будто избыточно «предлагает» себя, порождая пресыщенность и перепотребление. Метко выразил ситуацию человека-потребителя З. Бауман в работе «Текущая современность»: «Мир, полный возможностей, похож на стол, установленный аппетитными блюдами, слишком многочисленными, чтобы самые прожорливые едоки могли надеяться попробовать каждое. Едоками являются потребители, и самая неприятная и раздражающая проблема для них – потребность в установлении приоритетов... Отчаяние потребителей исходит из изобилия, а не из недостатка вариантов выбора. «Использовал ли я свои средства на сто процентов?» - вот наиболее навязчивый, вызывающий бессонницу вопрос потребителя» [Бауман, 2008, с.70-71]. Кризис «человека желающего» в данном случае может быть выражен в принципе: «не знаю, чего желать, что выбрать в качестве объекта желания». За кризисом желания лежит неспособность выбирать. Потребитель подобно детям, пишущим желания Деду Морозу и впадающим в невероятные страдания: «как бы не прогадать: просить малое или большое, мало или много», обнаруживает «невозможность выбрать заветное желание». Отметим, что невозможность в установлении человеком приоритетов в глубинном смысле означает отсутствие у него ценностной почвы. Речь здесь может идти о патологии субъектности.

Согласно классической формуле Ж. Лакана, «желание человека — это желание Другого» [Лакан, 2004, с.248], что означает укорененность индивидуальных стремлений в символическом порядке социума. По существу, субъектность желания смещается с индивида на «Большого Другого», желания которого каждый из нас в конечном счете и стремится реализовать (становясь винтиком бессознательной «машины желания»).

Однако в современном обществе эта структура претерпевает деструкцию: «Большой Другой» уже не выступает как инстанция Закона или запрета, а превращается в тотальный рынок образов, который навязывает субъекту множество готовых фантазмов. В результате человек не просто реализует желания Другого, он утрачивает саму способность опознания их как чужих, что приводит к депрессивному отчуждению, апатии и «пустоте» собственного Я. Примечательно, что Липовецки связывает появление апатии как «нового вида социализации» с избытком информации: «Апатия – реакция на избыток информации, на скорость ее получения» [Липовецки, 2001, с.65]; и в результате формируется так называемый «Cool-человек» – человек прохладный и равнодушный, замкнутый на себя – Нарцисс. Полагаем, что в конечном счете он становится равнодушным и к своим подлинным желаниям.

В данном контексте уместно упомянуть концепцию «апатичного общества» В. Г. Федотовой [Федотова, 2005, с.17], которая рассматривает социальную апатию как форму защитной реакции индивида на агрессивную динамику модернизации. Апатия выступает не просто как психологический симптом, но как онтологическая характеристика общества, в котором человек утратил веру в возможность субъектного влияния на реальность. Субъект, перегруженный навязанными извне целями, выбирает пассивное отстранение от реальности как единственный способ сохранения внутренней целостности, и логическим завершением такого процесса является обретение состояния скуки, апатии и «нежелания желать».

В рамках данного исследования мы сфокусировались на таком факторе возникновения кризиса «способности желать» (выражающегося в предельном виде в «нежелании желать»), как изменение темпоральности человеческого бытия, онтологическое по своему характеру. Под ним мы понимаем трансформацию соотношений модусов прошлого, настоящего и будущего в повседневном опыте человека и разрушение линейной модели времени.

Работа со временем в прямом смысле конститутивна для человека, так как в конечном счете собирает человека. Через работу с желаниями мы способны ощущать изменения времени. Желание – такая форма внутренней субъективности, которая как тренога собирает на себя три проекции времени. Желание не случается во времени, а, можно сказать, изнутри темпорально, оно как будто само конституирует время. Более того, своим забрасыванием человека в будущее оно сродни проективности человека. В этом контексте уместно упомянуть концепт «заботы» М. Хайдеггера. В основе его онтологии лежит концепция «заботы», которая определяет бытие человеческого присутствия как сущностно темпоральное и направленное в будущее. Хайдеггер характеризует структуру заботы как «забегание вперед» [Хайдеггер, 2003, с.224-226], указывая на то, что человек всегда уже находится за пределами своего текущего момента, проектируя собственные возможности и стремясь к реализации своего «еще-не». Это экзистенциальное «забегание» не является простым планированием, но представляет собой онтологическое условие существования, в котором субъект обретает свою целостность через решимость и открытость будущему. Поэтому считаем, что желания можно и необходимо рассматривать как форму заботы, если, конечно, они истинные.

Социальное и человеческое время «бытийствуют» не так, как естественное. И одним из отличительных признаков в этом отношении является неравномерность его протекания. В современном обществе ряд исследователей, таких, как Х. Роза, П. Вирилио, З. Бауман и Ж. Бодрийяр, отмечают феномен ускорения времени. Так, в частности, автор теории «резонанса» Х. Роза считает «ускорение» объективной константой общества позднего модерна и определяет его как «рост объемов ресурсов и производства в единицу времени», как «всеохватывающий процесс роста» [Катаев, www]. Бауман рассматривает ускорение (мышления, перемещения,

производства, обмена информацией и т.д.) в обществе «текущей современности» как результат потери стабильности в процессе функционирования социальных институтов, причем в контексте экономической эффективности времени.

Мы же хотим обратить внимание на несколько иной подход – подход Б.-Ч. Хана, который в работах «Аромат времени», «Агония эроса» и «Общество усталости» доказывает, что мир ускоряется не в качественном смысле, а в количественном. Темпоральный кризис для него выражается в смене структуры времени, проявляющейся в соотношении его модусов в опыте человеческого переживания времени: прошлое музеефицируется, будущее выводится из горизонта и теряет свое инаковое присутствие, а настоящее распадается на мгновенные, размытые, децентрализованные, «ускользающие» акты. «Это приводит к особому темпоральному режиму современности, в котором будущему и прошлому как таковым не остается времени, а настоящее сводится к постоянно ускользающим мгновениям кликов, с помощью которых субъект ищет наилучшие возможности для самореализации» [Хан, 2023, с. 85].

Важно, что определяющим моментом для характеристики современной трансформации темпоральности в концепции Хана является доминирование сжатого до однообразности настоящего, пассивного и непродуктивного. В результате произошел переход от линейной, нарративной модели времени к состоянию, которое Хан определяет как атомизацию или точечность (*Pünktlichkeit*). Если в модерне время обладало направленностью, вектором прогресса и потому своеобразным «ароматом» (содержательной преемственностью), то поздняя современность утрачивает данное диалектическое напряжение. Время становится серией актов без внутренней связи, без тех порогов и границ, которые способны отсылать к определенным событиям. Хан пишет: «Интенциональность модерна – это проектирование. Он направлен на цель. Таким образом, его форма движения – это маршировать к цели» [Хан, 2023, с. 65]. Сейчас же время есть не иначе как цепочка точек «сейчас», которые не образуют ни памяти, ни ожидания. В таком режиме исчезает возможность развернутого опыта, а вместе с ним и способность желать как устремление к тому, чего ещё нет (к инаковости). Механизм этого распада обусловлен диктатурой тотальной «позитивности», которая стремится к устранению любых форм негативности: пауз, ожиданий, препятствий, связанных с инаковостью будущего. Данная темпоральная организация создает условия для зарождения «общества выгорания или усталости» с массовой ангедонией и возникновения депрессивного типа человека, для которого как раз и характерна патологическая неспособность желать. Тем самым изменение темпоральности в условиях позднего модерна образует онтологическую основу трансформацию желания.

Хан в «Аромате времени» указывает, что трансформация темпоральности обусловливается сменой форм жизни. Так, он противопоставляет жизнь «деятельную» и жизнь «созерцательную». Если деятельная жизнь для Хана есть олицетворение производства и разрушения, как жизнь сменяющая и стирающая, ресурсом которой выступает время, то созерцательная жизнь, напротив, прибавляет человеку время: «Созерцательное пребывание дает время. Оно расширяет бытие, которое есть нечто большее, чем деятельность (*Tätig-Sein*)» [Хан, 2023, с. 16]. Утрата созерцательной способности связана с разрушением ритма, такта времени и приводит к тому, что утрачивается и само время, которым мог бы распоряжаться субъект. В результате исчезает пауза, в которой желание могло бы получить свою кристаллизацию.

Но Хан видит оптимистический исход. Казалось бы, выход из апатичного состояния в обществе выгорания должен находиться на полюсе деятельной жизни, однако в концепции Хана

переход от суетливой многозадачности к подлинному созерцанию способно обеспечить состояние «глубокой скуки», которое становится формой экзистенциальной паузы. В этом состоянии затихает гиперактивность и рождается пространство для принципиально нового движения. Согласно Хану, именно способность выносить это состояние, не поддаваясь импульсу к немедленной деятельности, позволяет субъекту выйти за пределы простого воспроизводства сущего и достичь той созерцательной тишины, в которой только и может вызреть аутентичное желание, не навязанное извне алгоритмами потребления [Хан, 2023,].

Тем самым именно в этом, глубоко созерцательном по своей природе акте, как глубокая скука, возможен выход к появлению подлинного желания, такого, которое может вывести субъекта в бытие: «Тот, кому наскучит ходьба и кто при этом не стерпит скуки, будет беспокойно и нервно ходить туда-сюда или входить то в одну, то в другую деятельность. Но тот, кто проще стерпит скуку, через какое-то время поймет, что ему, возможно, наскучивает ходьба как таковая. Поэтому он будет склонен к тому, чтобы изобрести совершенно новое движение» [Хан, 2023, с. 68]. Время выступает ресурсом для возникновения желания. Без паузы субъект подвержен внешнему влиянию, которое подстегивает принять за желаемое то, что в случае возможности взять паузу и рассмотреть «предлагаемые» объекты без спешки и вовсе не было бы принято. Именно пауза создает возможность кристаллизации желания, которое формируется в зазоре между наличным и возможным.

Созерцание способно определить, что есть наличное, а что существует «негативно», в отдалении от меня и не принадлежит мне «здесь и сейчас». Без этой дистанции субъект оказывается в ловушке немедленного, поверхностного удовлетворения, в котором теряется подлинная сила желания как аккумулирующей силы перевода нехватки в продуцирующий порыв.

В «Агонии эроса» Хан указывает еще на один важный момент в продуцировании кризиса способности желать: Эрос умирает не потому, что желания больше нет, а потому что мир утратил Другого («силу негативности», по его словам), и всё стало отражением Я: «Полное отсутствие негативности сегодня обедняет любовь до предмета потребления и гедонистического расчета. Желание Другого отступает перед комфортом Однообразия» [Хан, 2023, с. 34]. Это состояние Хан описывает как «позитивизацию мира», в которой происходит исчезновение Другого, инаковости, сопротивления и вызова комфортному существованию субъекта.

Депрессивно-нарциссический субъект не способен к жизни, к участию в событиях, он проживает самоэксплуатирующее подобие жизни, в котором отсутствует подлинное переживание и проживание. В нарциссическом обществе субъект не находит внешнего сопротивления (Другого), которое могло бы возбудить желание, указать на то, что недоступно в опыте, раскрыв его личный горизонт, а зеркалит себя в бесконечном потоке самоактуализаций, проживая пассивно свои псевдожелания. В данном случае выявляется продуктивная роль заемной сути желания, когда оно является желанием Другого, ведь, обрывая связь с Другим, Нарцисс в конечном счете вплотную сталкивается со своей неспособностью желать. Потеря «эмоционального заряда», связанного с напряжением от отношения с Другим, по существу оборачивается погружением Нарцисса в собственную мертвую пассивность. Хан акцентирует внимание на том, что Нарцисс в силу своей оторванности от Другого теряет свою проактивную силу. Для него характерна депривация времени, приводящая к сложностям в актуализации ключевых для себя состояний и действий: любви, работы и творчества.

Современное желание редуцируется до импульса, до мгновенного возбуждения, которое тут

же должно быть удовлетворено. В этом смысле нарциссизм и псевдоускорение оказываются двумя сторонами одного процесса, где псевдоскоренное время не оставляет места Другому, тогда как без Другого не существует подлинного желания. Подытоживая сказанное, можно отметить, что кризис способности желать есть не только следствие экономических или психологических процессов, но и результат изменения структуры времени и формы отношений с инаковостью.

Заключение

Онтологический подход к анализу феномена желания выявляет внутренне присущую ему темпоральную сущность, однако эта темпоральность требует строгой внутренней связи трех проекций времени, что сегодня утрачено. Наше исследование выявило, что депрессивно-апатичный человек-Нарцисс, которому присущи неспособность и «нежелание желать», есть не противоположность «человека желающего», а его предельная форма. Онтологическим основанием перерождения данного антропологического типа якобы в свою противоположность является смена форм переживания времени.

Кризис «способности желать» есть результат трёх взаимосвязанных процессов. Во-первых, он вызван темпоральными изменениями человеческого бытия, связанными с таким распадом времени на точечные мгновения, который приводит к невозможности в строгом смысле вычленять модусы прошлого, настоящего и будущего. При этом необходимо учитывать, что даже мимолетные, мгновенные желания требуют дления для своего формирования. Однако разрушение ритма времени и утрата созерцательной паузы ведёт к исчезновению «пространства» для развертывания желания. Будучи погруженным в состояние безвременья, в состояние однообразного, множимого настоящего, субъект рискует быть лишенным глубоких и протяженных желаний. Тем самым, когда всё происходит в рамках одномерного настоящего, желание не имеет возможности проявлять свою темпоральную, процессуальную сущность. Во-вторых, исчезновение в нарциссическом обществе Другого лишает желание необходимого для его возникновения внутреннего напряжения при столкновении с Другим, которое актуализирует способность и желание желать; в результате желание Нарцисса обращается внутрь и гаснет. И, наконец, сами условия пребывания современного человека, его техно-капиталистическое управление временем делают желание вторичным, внешним переживанием, алгоритмизированной функцией, тем самым уничтожая элемент стихийности и его аутентичность.

Анализируя концепцию Хана, можно сказать, что восстановление способности человека к созерцательной паузе, к внимательному восприятию и расширению бытия смогут связать модусы времени. Время должно снова стать временем ожидания, с элементом неопределённости. В этой неопределённости может возродиться как желание, так и реабилитироваться сам субъект, выйдя из своего депрессивно-нарциссического модуса. В этом смысле анализ темпоральности оказывается ключом к пониманию кризиса «способности желать». Развертывание желания требует не готовых объектов для поглощения, а изменения отношения ко времени, в котором бы нашлось пространство (пауза) для возникновения желания.

Библиография

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Катаев Д. В. Роза Хартмут // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/roza-khartmut-0ee070> (дата обращения: 04.04.2026).
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 11: Четыре основные понятия психоанализа (1964) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2004. 304 с.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
5. Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 3–19.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Биbihина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
8. Хан Б.-Ч. Агония Эроса. Любовь и желание в нарциссическом обществе / пер. с нем. М.: АСТ, 2023. 160 с.
9. Хан Б.-Ч. Ароматвремени. Философское эссе об искусстве созерцания / пер. с нем. М.: АСТ, 2023. 192 с.
10. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. М.: АСТ, 2023. 160 с.

Transformation of the Modern "Desiring Man": From the Dominance of Desires – to the Crisis of the "Ability to Desire"

Guzel' K. Saikina

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of General Philosophy,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: gusels@rambler.ru

Nazar M. Fakhertdinov

Postgraduate Student of the Department of General Philosophy,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: nazarfahertdinov@yandex.ru

Abstract

The aim of the research is a philosophical analysis of the ontological causes of the crisis of the "ability to desire" through the prism of reflection on changes in the temporality of structures. In modern society, the anthropological type — the "desiring man" — dominates. The heuristic admissibility of the analogy between the crisis of the "ability to desire" and the vicissitudes of hedonism, whose logical limit was boredom and suicide, is shown. It has been revealed that the depressive-apathetic, narcissistic type of person, who is characterized by the inability and "unwillingness to desire," can be designated as the ultimate form of the "desiring man." It has been substantiated that the roots of such mass phenomena as anhedonia, apathy, and depressive narcissism lie in a fundamental change in the experience of time by modern man. Based on the concept of B.-C. Han, it is proved that the disintegration of time into scattered atomized moments, devoid of internal connection, leads to the disappearance of the contemplative pause necessary for the

formation of desire and, in a global sense, to the "death of desire." The modern subject-Narcissus, captured by the flow of instant stimuli and deprived of the experience of the otherness of the Other, loses the ability for a contemplative pause, in which alone genuine Desire can mature. The key to overcoming the crisis of the "ability to desire" is the restoration of a contemplative attitude to time, which opens up space for a tense relationship with the otherness of the future.

For citation

Saikina G.K., Fakhertdinov N.M. (2026) Transformatsiya sovremennogo "chelo veka zhelayushchego": ot gospodstva zhelaniy – k krizisu "sposobnosti zhelat" [Transformation of the Modern "Desiring Man": From the Dominance of Desires – to the Crisis of the "Ability to Desire"]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 59-67. DOI: 10.34670/AR.2026.24.93.016

Keywords

Desire, "desiring man," depressive-apathetic type of person, narcissism, temporality, crisis of the "ability to desire," the Other, research methodology, anthropology, social philosophy.

References

1. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. Piter Publ.
2. Fedotova, V. G. (2005). Apatiya na Zapade i v Rossii [Apathy in the West and in Russia]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 3, 3–19.
3. Freud, S. (1990). Po tu storonu printsipa udovol'stviya [Beyond the pleasure principle]. In *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Prosveshchenie Publ.
4. Han, B.-Ch. (2023a). *Agoniya Erosa. Lyubov' i zhelanie v nartsissicheskoy obshchestve* [Agony of eros. Love and desire in a narcissistic society]. AST Publ.
5. Han, B.-Ch. (2023b). *Aromat vremeni. Filosofskoe esse ob iskusstve sozertsaniya* [The scent of time. A philosophical essay on the art of contemplation]. AST Publ.
6. Han, B.-Ch. (2023c). *Obshchestvo ustalosti. Negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitivita* [The burnout society. Negative experience in the age of excessive positivity]. AST Publ.
7. Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Folio Publ.
8. Kataev, D. V. (2024). Roza Khartmut [Rosa Hartmut]. In *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: nauchno-obrazovatel'nyi portal* [Great Russian encyclopedia: Scientific and educational portal]. <https://bigenc.ru/c/roza-khartmut-0ee070>
9. Lacan, J. (2004). *Seminary. Kniga 11: Chetyre osnovnye ponyatiya psikhoanaliza (1964)* [The seminar of Jacques Lacan. Book XI: The four fundamental concepts of psychoanalysis]. Gnozis : Logos Publ.
10. Lipovetsky, J. (2001). *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [The era of emptiness. Essays on contemporary individualism]. Vladimir Dal' Publ.